

КАК ИСЧЕЗАЛИ ДЕРЕВНИ

МОЛЧАНОВА Рея Тихоновна,
СИРЯЧЕНКО Алла Тихоновна – краеведы, Устьянский район

От отселения людей на «выселок» (Хутор), полувекового строительства, обустройства и расцвета; жизни в годы Великой Отечественной войны и послевоенных лет до запустения и исчезновения дер. Савкино (Загарская) Грунцовского с/с Устьянского района

В 1930-е годы XIX века из деревни Волова (Щапинская) отселились на «выселок» (Хутор) Волов Савва и его сын Василий. Место выбрали километров на 12 выше по течению р. Устья, где росли многолетние сосны, которые можно было использовать для строительства жилья; нетронутые, пригодные для освоения земли под пашню, заливные луга, речка.

У Василия было 5 сыновей: Фенюген, Николай, Егор, Родион, Андриан.

Построили «черную» избу из бревен, очищенных от коры. Печь сложили из камней, почти до трубы. Дым уходил под потолок, а потом через отверстие в стене наружу. Воздух внизу был чист и прозрачен.

Построили двор для лошадей, коров, овец, свиней. Баню. Колодец. Обустроились на новом месте всей семьей.

Летом осваивали землю методом «новины». Вырубали деревья, ставили из них высокие костры, которые со временем сжигали. Между пнями сеяли рожь без вспашки, заделывая семена боронами – «суковатками». Через 4-5 лет пни корчевали, земля становилась пригодной для земледелия.

Летом заготавливали бревна для строительства. Зимой, по снегу, вывозили.

Отмежевали пять наделов (участков) для каждого из сыновей. Земли были «царские» и «земские», об этом говорила медная пластина на нашем доме. Помещиков в наших краях не было. Были вольные крестьяне, трудолюбивые, непьющие (самогона не было, варили только пиво).

Дома строили все вместе. Бросили жребий, кому какой дом достанется после окончания строительства.

Каждому из братьев досталось подворье, в которое входил двухэтажный пятистенный перед, под одной крышей с ним скотный двор; отдельно просторная зимняя изба; гумно с овином для сушки и обмола та зерновых культур; баня (колодец на 2-3 семьи).

После окончания строительства нашему прапрадеду Егору достался дом, построенный первым, самый красивый и большой.

Все работы велись топором и рубанком. В те годы пил еще не было. Были топоры-колуны – массивные, большие, которыми бревна разделяли на две половины, на две плахи. Тёс для крыши тоже вытёсывали из брёвен, причем двойной. Тёс-гонт из тонких нешироких тесин укладывали вдоль дома. Над ними тесины широкие, довольно толстые, клали на гонт поперёк дома, а верхние

концы тесин укреплялись охлупнем, толстым бревном с удаленной 1/3 части изнутри, ниже – желобом.

Полстолетия деревня строилась. Огромный титанический труд того поколения трудно себе представить.

Для того, чтобы пользоваться дарами природы за рекой (сенокосные луга, грибные и ягодные места), мужики построили через реку Устья паромную переправу. Трос свили из молодых березок, выпаренных, вымятых, толщиной в мужской кулак.

Но со временем об этой переправе узнали ямщики, возившие из верховий Устья пушнину, лен, рыбу, грибы, ягоды и доставлявшие туда керосин, сахар, сельдь, бытовые товары и др. Переправа стала шумной: со скрипом телег, с криками пьяных людей, сопровождавших грузы. Собрались савкинские мужики и стали просить земское начальство разрешения убрать от деревни переправу, перенести в другое место. Пристав спросил:

– А как вы свой знаменитый канат уберете?

– Да мы его зубами перегрызем, но только уберите переправу?

– Если зубами перегрызете, то уберу паром от вас!

И перегрызли! И стали жить спокойной, размеренной жизнью, как и раньше. Но с тех пор савкинцы стали называть обидным словом «канатники».

Наш прадед Егор охотился на медведей. Как только стадам коров угрожал медведь, Егор брал рога-

Дом в д. Савкино Егора Васильевича, Степана Егоровича,
Тихона Степановича.
Фото 1974 г.

тину и топор и выслеживал добычу. Сорок медведей было на его счету! Но сорок первый – медведица – отбросила и рогатину, и топор и стала лапами крутить Егору руки, ноги, измяла его сильно. Но Егор сунул руку в пасть медведице, захватил язык, и медведица упала, корчась от боли. Остался медвежонок, который залез на дерево. Егор снял с себя домотканую рубаху и тоже залез на дерево, пытался набросить ее на медвежонка. А тот обеими лапами отбивался.

Егору надоела возня, хотел уже слезть с дерева и со злостью плюнул медвежонку в морду. А тот стал неожиданно обеими лапами утирать глаза и дал возможность Егору накинуть на него рубаху.

Привез его в деревню. Все сбежались посмотреть на медвежонка, но он скулил как ребенок! Стали давать ему коровье молоко, каши, щи, хлеб, кормили всей деревней. И надо было видеть, как мишка позднее вместе с молодежью плясал в хороводе!

Однажды пристав кричал на мужиков, что не все налоги уплати-

ли. В конце разговора просил показать медведя. Мужики сказали ему, что лошадь испугается, но он настаивал. Открыли ворота, медведь выбежал из своего логова, отгороженного угла двора, и – к приставу! Лошади испугались его рева и рванули вперед! Пристав слетел с саней, а медведь давай его катать как снежный ком! Мужики отвели медведя. Пришлось запрягать сани и провожать пристава вдвогонку за его упряжкой.

В тридцатые годы XX столетия, а позже и в годы Великой Отечественной войны в д. Савкино жил и работал охотник, заготовитель пушнины Волов Василий Арсентьевич. Охотился на белок, зайцев, лисиц, иногда оленей и медведей.

Пушнину грузил в сани и отвозил в потребсоюз, а тушки мяса зайцев сдавал в ОРС (отдел рабочего снабжения) для заготовителей леса, в лесопункты. Василий говорил, что белок стреляют только в глаз, чтоб не портить шкурку.

В семье Волова росли восемь детей. Получали поддержку от государства – одну тысячу рублей. Двое старших сыновей были призваны в армию. А третий ребенок, Настюха, забеременела неизвестно от кого, и все тяжелые работы по дому в наказание легли на нее. Как-то отправили ее зимой за сеном на дальний сенокос, за 18 километров. Она сено на дровни загрузила, закрепила, завязав концы кола спереди и сзади и поехала домой. Но в пути начались роды. Не растерялась: ребенка приняла, положила его к себе на грудь, под шубу. Лошади довели ее домой. Спешно затопили баню.

Мальчик рос самостоятельным, добрым, как и все савкинские ребята, без отца. Но судьба его не убежала. Уже будучи взрослым, жена-

тым, имея двух детей, бросился в незнакомую реку с берега, запутался в водорослях и не смог выплыть. Жалели его все, кто знал.

В нашем доме, во второй половине, размещалась начальная школа. Стояла 21 парта. Во всех четырех классах уроки одновременно вел один учитель, Бегунов Иван Варфоломеевич. Тишина была во время самостоятельной работы удивительная. Сорок детишек приходили из д. Исаковской, Черновской, Головатого, Максимцева, и савкинята тоже. Печь топил отец, а мы, дети, пилили, кололи дрова, приносили к печи. Полы мыли также мы. И до 4-го класса учились в своем доме, перешагнув порог.

В этом же классе в 30-е годы проводились занятия по ликвидации безграмотности. Приходили взрослые люди из всех близлежащих деревень. Эту тягу к знаниям, к умению читать и писать надо было видеть!

Подрастали дети. Строились новые дома. Создавались новые семьи. К моменту коллективизации (в 30-е годы XX в.) в деревне было 14 подворий. В колхоз вступили все, артельный труд для них не был новостью.

Все семьи деревни Савкино были определены в бригаду «Савкинская». Вместе с бригадами «Исаковская» и «Черновская» создали колхоз «Исаковский». Лошадей определили в большую конюшню. Для коров построили коровник. Овец и свиней держали в одном из частных дворов. В нашем дворе много лет были колхозные свиньи, штук 40-50.

Все земли пахотные, сенокосные обрабатывались всеми вместе. И праздники справляли вместе. Варили пиво, пекли хлеб из озимой пшеницы, булочки-витушки, делали

мясные, рыбные блюда, пироги. И – песни, пляски под гармонь и бала-лайку.

С поставками государству зерна, мяса, молока, яиц справлялись вовремя и в полном объеме.

Началась Великая Отечественная война. С первых ее дней призвали в армию мужей и сыновей. В колхозе оставались женщины и мы, подростки от 12 до 15 лет. Объем работы не уменьшился, надо было пахать, сеять, заготавливать корм для скота, убирать урожай, сдавать государству налог. Работали с утра до вечера без выходных. А мы, подростки, работали все каникулы, а осенью часто и после уроков.

Все мужские работы легли на плечи женщин. Для того, чтобы поставить стожар для копны, надо было наострить один его конец топором женскими руками. И вогнать его в землю так, чтобы копна потом не упала. Носили и бросали вилами тяжелое клеверное сено. Лошадей молодых забрали в армию, а оставшиеся лошадики от недоедания останавливались через каждые 50-100 метров, и надо было поднять тяжелый плуг, оттянуть его назад, иначе лошадь не сдвинется с места.

В годы войны мы, подростки, отводили лошадей после работы на пастбище за р. Савинку, а рано утром бежали три километра босиком по росе, чтобы привести их до работы. Запрягали в телеги, возили навоз в поля. Бороновали, сидя на лошади. В сенокос гребли сено. В уборочную вязали снопы. Мы вчетвером, с Леной, Катей и Настей, успевали за самосброской не только отбросить, но и связать сноп, скрученный из стеблей завязкой. Вечером ставили снопы в сулоны, позже помогали увезти с поля в гумно (ток для зерновых),

чтоб подавать их в молотилку, которая приходила в бригаду на 1-2 дня.

В морозные зимние дни пилили двуручной пилой брёвна на кружки, топором кололи их на кубики. Так готовили «горючее» – дрова для газогенераторных тракторов.

Из 14 подворий взяли в армию в годы Великой Отечественной войны 24 человека. Получили похоронки (были убиты) 21 человек. Один солдат был комиссован из армии и вскоре умер. Один пришел без ноги. Деревня оставалась без мужчин. Похоронки приходили с первых месяцев войны и до конца её.

В дом, куда принесли похоронку, спешили люди. Не для того, чтобы утешить, а чтобы вместе вспомнить, каким он был, оплакать и пожалеть того, кто уже никогда не переступит порог родного дома. А дети не дождутся отца и будут произносить одно слово «мама». Безотцовщина тех лет была последствием войны.

Мы помним, как Яша Петрунькин, молодой парень, плакал и говорил: «Я еще ни одной девки не целовал, а мне повестка на войну».

Мать его, Марфа Лаврентьевна, воспитала трех сыновей и четырех дочерей. Еще до войны семья зарабатывала в колхозе средства (зерно, деньги) и купила почти новую зимнюю избу. Избу продали наши родители. Петрунькины утеплили перёд и стали зимой жить в нем.

Марфа Лаврентьевна была трудолюбива, приветлива, гостеприимна. В войну работала в колхозе, как и все женщины, от зари до зари. Умела заговаривать зубную боль, кровь, принимать роды.

В годы войны погиб сын Павел (сгорел в танке). Его похоронили в Воронежской области на хуторе

Косовка. Восемнадцатилетним погиб Яков. Он захоронен в Смоленской области в с. Михайловка. Сын Прокопий после фронта прожил только до 57 лет. Умерла младшая дочь Марфы, подросток Настя. Столько бед пришлось пережить этой женщине!

Несколько строк о наших родителях. Отец, Тихон Степанович, был инвалидом. Нога, согнутая в колене, не разгибалась, ходил с трудом. Мама, Ирина Ивановна, все тяжелые работы выполняла сама. Мешок с зерном или мукой (до войны), или мешок с кормом для свиней носила на плече, как грузчик.

После утреннего кормления свиней (30-40 голов, 10-15 ведер пойла) шла в бригаду, в поле, на сенокос или уборку урожая.

Спала по 4-5 часов в сутки. Истопить баню можно было только в субботу, уйдя с работы на 2 часа раньше. Испечь хлеб, подоить корову, постирать – во всем ей помогали бабушка и отец (топил печь) и мы, дети. Нас было восемь – 4 сына и 4 дочери.

Старший сын Андрей восемнадцатилетним был призван в октябре 1941 г. в Красную армию, воевал до конца войны. Второй сын, Бронислав, уехал учиться в ФЗО. Третьей была я, Рея, в декабре 1941 года мне исполнилось 14 лет. Женю, самую младшую, мама родила в сентябре 1941 года. Помню, кормит ее грудью и плачет. Бабушка спросила, почему плачешь?

– Как не плакать? Семья девять человек. Чем кормить, что одевать? Голыми ходить будем!

А бабушка отвечает: «Слыхом не слыхала, чтоб кто-то голый ходил!».

Все военные годы жили впроголодь. Все, что выращивали на полях, отдавали фронту. Особенно был тяжел 1946 год. Зерновые и карто-

фель погибли от ранних заморозков. В этот год умерла Ольга Павловна, мама нашей подруги Надежды Ефимовны (работавшей позже директором Бестужевской средней школы). Ольга шла на мельницу попросить горсть муки (мололи для лесопункта), но так и не дошла, упала и не встала.

Мать Ольги Павловны Фелицата потеряла на войне трёх сыновей. Сын Александр (Санька) и жена Марья жили в зимней избе.

Помню как на дальнем сенокосе, на р. Порше, Марья причитала и плакала о своём Саньке, вспоминая, как раньше работали тут вместе с мужем. Голос сильный раздавался по всей округе. Весь лес эхом вторил ей. А мы, её бригада, 12-14-летние подростки стояли и молча слушали её.

Второй сын Митрофан жил с темноволосой красавицей Еленой (в отличие от всех савкинят средне- и светловолосых) во второй половине дома. После войны Елена переехала в Студенецкий лесопункт, чтобы получить хлебный паёк.

Третий сын Алексей с женой Агнией прожил всего 4 года. Он погиб.

Помню, как простая, но величавая, умная и добрая русская женщина Фелицата вышла перед своим домом, поклонилась ему, перекрестила, перекрестилась сама и пешком с узелком и палочкой пошла в родительский дом в с. Бестужево за 15 км, чтоб не быть «лишним ртом», обузой невесткам и внукам. Ждал ли её кто там – не знаем.

Наша бабушка Клавдия Романовна была из рода Романовых. Её бабушка, Клавдия Ивановна Романова, сестра Романова Михаила Ивановича, вышла замуж в д. Ивашевскую. Наша бабушка – внучка Клавдии Ивановны.

Для д. Савкино бабушка была оберегом: знала лечебные травы, лечила от простуды, желтухи, зубной боли. Умела настраивать ткацкий станок для тканей цветных и рельефных, шить, вязать, вышивать. Даже роды принимать.

Племянник бабушки Истомин Иван Арсентьевич, полковник, участник войны, был мужем Вали, экономки и близкого Сталину человека.

Иван и Валя приезжали на родину Ивана после смерти Сталина, в 1970-е годы (в нашей родословной нам помогала разобраться Истомина Галина Ивановна, преподаватель Бестужевской средней школы, ныне проживающая в с. Шангалы).

Когда от старшего внука бабушки Андрея не было вестей 2 года, родители плакали, ожидая похоронку. Он воевал на Ленинградском фронте. Бабушка сказала, что Андрей жив. Оказалось позже, что он попал в окружение, вырвался, был ранен, контужен, определен в штрафную роту. Чудом остался жив.

В годы войны брат нашей мамы Василий приходил на неделю с трудового фронта с опухшими ногами, но поддержать его было нечем. Так и ушел больной, пропал без вести. Его жена Анна не могла переставлять ноги через порог.

Родители мамы, Иван и Александр, жили в семье Василия и Анны. Не дожили до весенней травы и щавеля. Умерли, хотя мама поддерживала, чем могла.

Что еще можно сказать о жизни деревни в послевоенные годы? Мужиков нет. Старичка Антона, все годы ремонтирующего сбрую, не стало.

Наш отец, инвалид Гражданской войны, делал грабли и граблины для жаток-самосбросок (на одной из них

работал будущий супруг Раисы Тихоновны Николай Митрофанович).

Крыши ремонтировать было некому. Дрова заготовлять тоже. Женщины за время тяжелейших работ в годы войны устали, постарели, поседели. Дети, подрастая, уходили в ФЗО, в лесопункт, где давали паёк и хлеб.

Страна, победившая фашизм и отдавшая для этого все силы, десятилетиями восстанавливала свой потенциал. И не могла дать поддержку умирающим деревням. Наш дом, второй его этаж, увезли в село Строевское, один дом увезли в д. Щапинскую. Еще один дом также оказался в с. Строевское.

Остальные дома так и доживали свой век в тишине, без людской суеты, без стройных берез и раскидистых черемух.

Во второй половине XX столетия д. Савкино не стало, как и многих других деревень в Устьянском районе.

Все взрослые и дети старше 10 лет были участниками трудового фронта. Дети моложе 10 лет – дети войны.

Дом № 1

Волов Антон Егорович, жена Павла Терентьевна. Вместе жили три семьи (всего 8 человек). У Ольги был приемный муж Александр, который погиб на фронте. В семье один участник войны, один погиб. Ирина, Ольга – участницы трудового фронта, Игорь – дитя войны.

Дом № 2

Волов Ефим Андрианович, жена Авдотья Евгеньевна. Семья состояла из восьми человек. В войну братья Иван, Николай и Андрей погибли. Ольга – участник трудового фронта.

Дом № 3

Волов Петр Феногенович, жена Марфа Павловна. Семья состояла из восьми человек. Трое сыновей, две дочери и Мария – жена Михаила. Все трое сыновей: Михаил, Прокопий, Алексей, участвовали в войне и все трое погибли. Дочь Анфиса погибла на лесозаготовках в 1942 году. Андрей и Володя – дети войны.

Дом № 4

Волов Алексей Павлович, жена Наталья Прокопьевна. У них было двое сыновей и три дочери. На фронте погиб сын Алексей и дочь Мария. Дети Василий и Марфа – участники трудового фронта.

Дом № 5

Волова Клавдия Исааковна. У нее был сын Николай Алексеевич. Работал учителем в Березниках. В 1940 году был призван в ряды Красной армии. Холост. Погиб на эсминце в годы войны.

Дом № 6

Волов Петр Арсентьевич, жена Марфа Лаврентьевна. У них было

три сына и четыре дочери. Оба сына, Павел и Яков, погибли на фронте. Дети: Мария – участник трудового фронта, Настя умерла в 12 лет, Надя – дитя войны.

Дом № 7

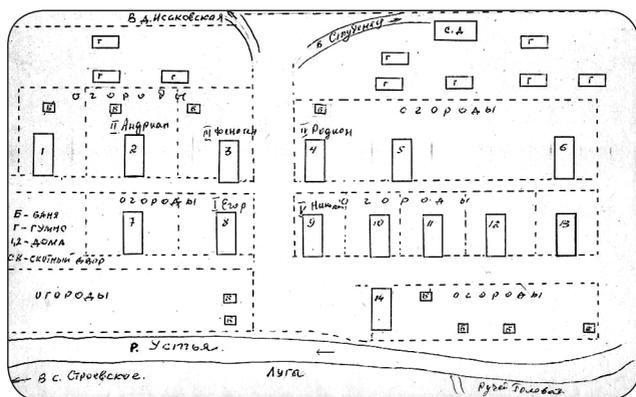
Волов Ефим Петрович, жена Ольга Павловна. У них было две дочери и два сына. Андрей был комиссован и вскоре умер. Федор вернулся с фронта без ноги. Дети: Нина – дитя войны.

Дом № 8

Волов Тихон Степанович, жена Ирина Ивановна. Дед Степан Егорович, бабушка Клавдия Романовна. Четыре сына и четыре дочери. Семья в 1941 г. составляла 9 человек. Два участника войны. Погибших нет. Дети: Рея, Воля, Веня – участники трудового фронта, Леня, Аля, Женя – дети войны.

Дом № 9

Волов Павел Афанасьевич, жена Фелицата Александровна. У них было четыре сына и три дочери. Три брата: Александр, Митрофан и Алек-

План схемы деревни.

I – Егор, II – Андриан, III – Феноген, IV – Родион, V – Николай.

сей погибли на фронте. У Александра осталось четверо детей. Катя и Николай – участники трудового фронта, Шурик и Павел – дети войны. У Митрофана было 5 детей. Маня и Дина – участники трудового фронта, Леня, Света и Вася – дети войны. У Алексея дети войны: Лиина и Павлик.

Дом № 10

Волова Марфа Петровна. У нее было два сына и три дочери. Степан Прокопьевич погиб на фронте. Василий неизвестно где. Валя – участник трудового фронта.

Дом № 11

Волов Семен Федорович, жена Варвара Афанасьевна. Сын Федор погиб на фронте в 1944 году.

Дом № 12

Волов Яков Петрович, жена Анна Ивановна. У них было два сына и одна дочь. В семье один участник войны, один погибший. Иван – участник трудового фронта.

Дом № 13

Волов Ефим Павлович, жена Ольга Павловна. У них было четыре дочери, участников войны нет. Дочери Надежда и Мария – участники трудового фронта. Сима и Лида – дети войны.

Дом № 14

Волов Василий Арсентьевич, жена Прасковья Васильевна. В семье было пятеро сыновей и три дочери. Трое сыновей – участники войны. Сыновья Александр и Николай погибли на фронте. Степан после армии умер в 1980 году.

Настя, Зоя, Сима – участники трудового фронта. Петя и Валя – дети войны.

На войну ушли:

Волов Николай Ефимович – погиб.

Волов Андрей Ефимович – погиб.

Волов Михаил Петрович – погиб.

Волов Прокопий Петрович – погиб.

Волов Алексей Петрович – погиб.

Волов Алексей Алексеевич – погиб.

Волов Николай Алексеевич – погиб.

Волов Михаил Петрович – погиб.

Волов Яков Петрович – погиб.

Волов Андрей Ефимович – комиссован, умер.

Волов Федор Ефимович – инвалид войны, пришел без ноги.

Волов Александр Павлович – погиб.

Волов Митрофан Павлович – погиб.

Волов Алексей Павлович – погиб.

Волов Николай Яковлевич – погиб.

Волов Федор Семенович – погиб.

Волов Александр Васильевич – погиб.

Волов Николай Васильевич – погиб.

Волов Андрей Тихонович – остался жив.

Волов Бронислав Тихонович – остался жив.

Волов Степан Прокофьевич – умер вскоре после войны.

Волов Иван Ефимович – погиб.

Волов Дмитрий Ефимович – погиб.

Шабанов Александр – погиб.

Во время войны из д. Савкино, состоявшей из 14 подворий, было призвано 24 человека. Погибло 21. Деревня осталась без мужчин.